

Научная статья
УДК 902/904 (574)
doi: 10.17223/2312461X/48/9

Курган позднесакского времени из Восточной Сарыарки

Азат Калыулы Айткали¹,
Арман Кайратулы Курмангалиев²,
Альбина Ергешбаевна Ержанова³,
Зулхумар Расулжанкызы Каримбаева⁴

^{1, 3, 4} *Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан*

² *Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан*

¹ *azza_semsk@mail.ru*

² *armanqayrat2017@gmail.com*

³ *erjanova_a@mail.ru*

⁴ *z_karimbayeva@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты археологических исследований кургана № 8 могильника Хандар сайы 1, расположенного в северных предгорьях горного массива Кокентау в Восточной Сарыарке. Основная задача исследования заключалась в уточнении хронологии и культурной атрибуции памятника на основе стратиграфического анализа насыпи, технологического изучения керамических фрагментов и трасологического анализа каменного алтарика. Радиоуглеродное датирование подтвердило позднесакскую принадлежность памятника (IV–III вв. до н.э.). Среди находок представлен лепной сосуд, типичный по технологии изготовления для сако-усуньских памятников. Каменный алтарь примечателен наличием следов органики, охры и воздействия огня, свидетельствующих о его использовании в погребально-культовых практиках. Рассмотрена проблема культурной дифференциации сакского мира на основе сопоставления материалов кургана 8 с памятниками карамолинского типа и соседних территорий (Центральный Казахстан, Жетысу, Восточный Казахстан), что позволило выявить сложность и многообразие этнокультурных контактов в позднесакское время. Полученные результаты существенно дополняют имеющиеся представления о культурно-хронологических взаимосвязях в Центральном и отчасти Восточном Казахстане в эпоху раннего железного века и открывают перспективы для дальнейших комплексных исследований.

Ключевые слова: археология, Казахстан, Восточная Сарыарка, горы Кокентау, кочевники, курган, погребение, радиоуглеродное датирование, каменный «алтарь», позднесакское время, фрагменты керамики

Благодарности: статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта AP19678440. Авторы выражают благодарность ведущему научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Маргулана С.Ж. Рахимжановой за ценные советы при подготовке данной публикации.

Для цитирования: Айткали А.К., Курмангалиев А.К., Ержанова А.Е., Каримбаева З.Р. Курган позднесакского времени из Восточной Сарыарки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 189–208. doi: 10.17223/2312461X/48/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/48/9

Late Saka Period Burial Mound from Eastern Saryarka

Azat K. Aitkali¹, Arman K. Kurmangaliev²,
Albina E. Erzhanova³, Zulkhumar R. Karimbaeva⁴

^{1, 3, 4}A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

¹azza_semsk@mail.ru

²armanqayrat2017@gmail.com

³erjanova_a@mail.ru

⁴z_karimbayeva@mail.ru

Abstract. The article presents the results of archaeological research on mound No. 8 at the Khandar Saiy 1 burial site, located in the northern foothills of the Kokentau mountain range in Eastern Saryarka. The primary objective of the study was to refine the chronology and cultural attribution of the site through stratigraphic analysis of the mound, technological examination of ceramic fragments, and traceological analysis of a stone altar. Radiocarbon dating confirmed the Late Saka affiliation of the monument (4th–3rd centuries BC). Among the artifacts, a handmade ceramic vessel was discovered, typical in its manufacturing technology for Saka-Wusun sites. The stone altar is notable for traces of organic substances, ochre, and exposure to fire, indicating its use in funerary and ritual practices. The article addresses the issue of cultural differentiation within the Saka world through a comparative analysis of materials from mound 8 with those of the Karamola type and neighboring territories (Central Kazakhstan, Zhetysay, Eastern Kazakhstan), highlighting the complexity and diversity of ethno-cultural interactions during the Late Saka period. The obtained results significantly enhance existing understandings of the cultural and chronological relationships within Central and partly Eastern Kazakhstan during the Early Iron Age and open new prospects for further integrated research.

Keywords: archeology, Kazakhstan, Eastern Saryarka, Kokentau Mountains, nomads, kurgan, burial, radiocarbon dating, stone altar, late Saka period, ceramic fragments

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of grant funding from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN AP19678440. The authors express their gratitude to S.Zh. Rakhimzhanova, Senior Research Fellow at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, for her valuable advice during the preparation of this publication.

For citation: Aitkali, A.K., Kurmangaliev, A.K., Erzhanova, A.E. & Karimbaeva, Z.R. Late Saka Period Burial Mound from Eastern Saryarka. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 189–208 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/9

Введение

Исследования курганов сакского времени в Восточной Сарыарке имеют продолжительную историю, начавшуюся с первых разведочных работ в первой половине XX в. Однако систематическое изучение погребальных памятников региона было инициировано лишь в 1960–1970-е гг. в результате масштабных археологических работ Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева и их последователей. Именно в этот период были выявлены и подробно изучены эталонные памятники тасмолинской культуры раннесакского периода. Позднее было установлено, что к V–IV вв. до н.э. ареал данной культуры по ряду причин существенно сокращается.

В настоящее время спектр изучаемых объектов постепенно расширяется благодаря выявлению и раскопкам памятников следующего этапа – позднесакского времени (IV–III вв. до н.э.), позволивших существенно дополнить представления о культурном многообразии региона и определить направления межрегиональных связей местного населения. Однако изученные памятники данного периода пока немногочисленны, что свидетельствует о необходимости дальнейшего накопления археологических материалов. В связи с этим многие вопросы, касающиеся хронологических границ, культурной атрибуции и специфики межрегиональных взаимодействий позднесакского времени в Восточной Сарыарке, пока не получили исчерпывающих ответов и требуют дополнительных исследований.

Одним из таких памятников позднесакского времени является могильник Хандар сайы 1, включающий исследованный курган 8. Памятник расположен в северном предгорье горного массива Кокентау, на высоте 322–324 м над уровнем моря, в 30 км к западу от одноименного села. Название могильника и одноименной долины, на территории которой располагается курган, при переводе с казахского языка трактуется как «Ханская ложбина». С историко-географической точки зрения, исследуемый могильник находится на периферии Восточной Сарыарки (в пределах Казахского мелкосопочника) в регионе, отличающемся высокой концентрацией археологических памятников (Бейсенов 2000: 113–116; Касенова 2019: 47). В административном отношении памятник входит в состав Жанасемейского района Абайской области Республики Казахстан.

В данной статье впервые вводятся в научный оборот материалы, обнаруженные в ходе раскопок кургана 8 могильника Хандар сайы 1, что существенно расширяет представления о культурных особенностях древнего населения позднесакского времени Восточной Сарыарки. Исследование приобретает особую значимость благодаря использованию современных методов анализа, включая трасологическое исследование,

детальный технологический анализ керамических фрагментов, а также радиоуглеродное датирование. Применение этих методов позволило уточнить хронологические рамки памятника, определить его культурную специфику и выявить его место в системе межрегиональных взаимодействий в указанный период.

Характеристика материалов раскопок

Первые письменные свидетельства, касающиеся именно этой местности, получены в 1903 г. в результате сбора данных Семипалатинским областным статистическим комитетом. В сообщении Н. Коншина под названием «О памятниках старины Семипалатинской области», представляющем собой сводку полученной комитетом информации, упоминаются лишь надписи на скалах, обнаруженные в горной местности Коконь в Кокеньской волости (Коншин 1903: 4–5). Впоследствии аналогичные сведения были воспроизведены в книге «Археологическая карта Казахстана» (Археологическая карта Казахстана 1960).

Археологическое изучение этой территории было начато в 2014 г. сотрудниками филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в городе Астана под руководством А. Айткали (Айткали и др. 2014). Полевые разведочные работы подтвердили насыщенность территории вокруг горного массива Кокентау археологическими памятниками, охватывающими период от каменного века до этнографического времени. Среди выявленных объектов обнаружены разновременные поселения, могильники, мастерские и множество гротов с писаницами (Самашев 2023: 140–158; Зайцева и др. 2024).

В последующие годы работы проводились с перерывами, в результате чего в период с 2014 по 2019 г. было исследовано тринадцать курганов раннего железного века, входящих в состав шести погребальных комплексов, относящихся по своим характеристикам к синхронному времени (Айткали и др. 2023: 82–94). Вопрос об их культурной принадлежности до настоящего времени остается открытым.

В полевом сезоне 2023 г. исследования были продолжены Кокентауским археологическим отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана. Учитывая, что в предыдущие годы работы охватили северо-западную оконечность и центральную часть горного массива, исследовательская деятельность была перенесена на северо-восточный склон горы Кокентау, где и располагался рассматриваемый памятник.

Могильник Хандар сайы 1 представляет собой комплекс, включающий 17 курганов, сооруженных на тщательно выбранной возвышенной платформе, доминирующей над окружающим ландшафтом. Такое расположение свидетельствует о продуманности выбора местности древними строителями и подчеркивает особую оригинальность этого

комплекса. Представленный в публикации топографический план памятника ясно демонстрирует доминирующее положение выбранной платформы, что подчеркивает ее значимость в пространственной организации и, вероятно, сакральной роли данного ансамбля (рис. 1).

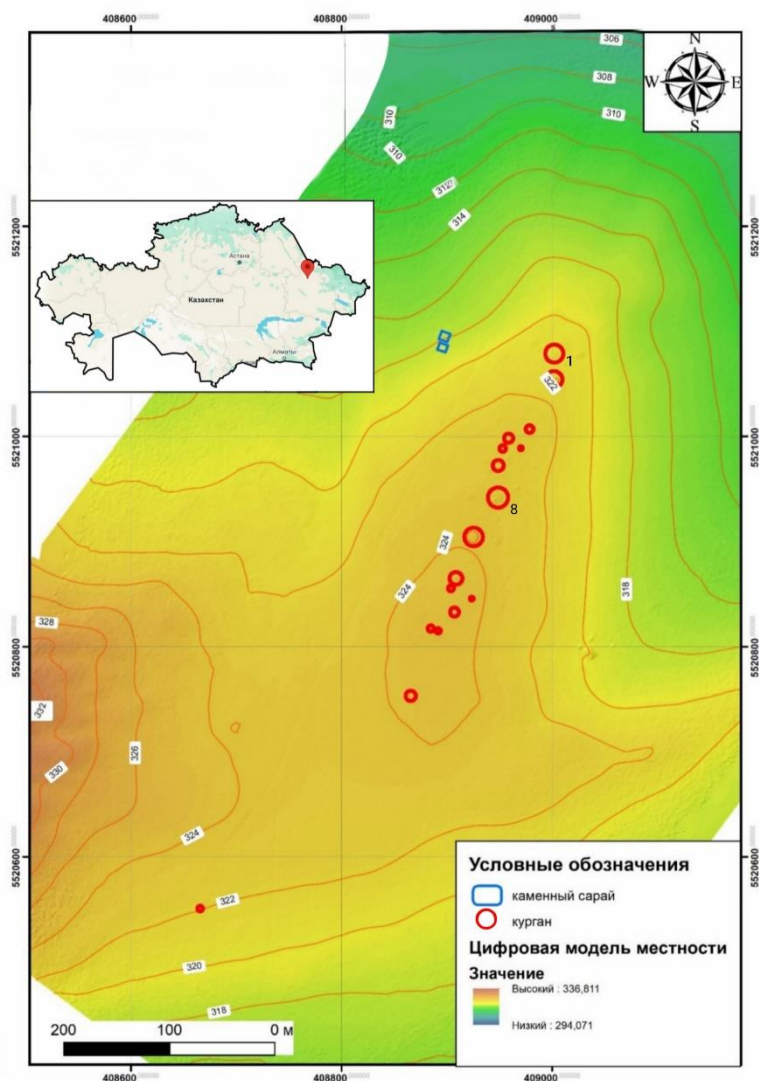

Рис. 1. Топографический план могильника Хандар сайы 1 и его местонахождение на карте Казахстана

Курганы могильника, разнообразные по своим размерам, сгруппированы в три условные группы, вытянутые в меридиональном направлении. Нумерация курганов выполнена в последовательности начиная с севера и на юг. Первая группа включает два кургана (№ 1 и 2), расположенные в северной оконечности могильника. Вторая группа, расположенная в 20 м южнее, включает семь курганов. Третья группа также состояла из семи курганов, однако она была отделена от второй группы небольшим ступенчатым возвышением, подчеркивающим ее пространственную обособленность. Самый крайний объект в южной части могильного поля, курган 17, располагался изолированно, на расстоянии 120 м к югу от последней группы.

Наиболее габаритные насыпи преимущественно были сосредоточены в первой и второй группах. Насыпи крайних северных курганов в цепочке, достигавшие диаметра до 16 м и сохранившиеся высотой около 1 м, подверглись сильному разрушению, которое, судя по характеру повреждений, произошло сравнительно недавно. В целом в центральных частях насыпей многих курганов наблюдались глубокие воронки, впоследствии частично или полностью засыпанные. Раскопками было исследовано четыре кургана, и все они оказались начисто разграбленными. Тем не менее в кургане 8, несмотря на его сильное разрушение, удалось обнаружить предметы, представляющие научную ценность.

Курган 8, будучи самым большим в цепочке, располагался ближе к центральной части могильника и входил в состав второй группы. Диаметр 18 м, высота 1,3 м. Каменно-земляная насыпь имела полусферическую заметно уплощенную форму в разрезе и подокруглую конфигурацию в плане, с пологими краями, возникшими под воздействием эрозийных процессов.

Наземное сооружение памятника представляет собой многослойную структуру, которая проявлялась в порядке и особенностях залегания слоев. В соответствии с общепринятыми стандартами полевых археологических исследований, земляные работы на кургане проводились вручную, с последующим удалением грунта и камней за границы разметки. Раскоп оформлялся в форме круга, полностью охватывающего насыпь кургана. Послойное снятие грунта выполнялось по секторам, с обязательным сохранением двух бровок по линиям С-Ю и В-З для детальной фиксации особенностей возведения данного кургана.

На первом этапе исследования во всех секторах кургана был полностью удален тонкий дерновый слой, мощность которого увеличивалась на склонах, достигая 0,3–0,5 м. После снятия дерна, благодаря использованию методов геоинформационных систем, была зафиксирована следующая картина. По данным топографической модели центральная часть кургана выделялась максимальными абсолютными высотами (отмеченными красным цветом), образуя четко выраженный округлый «купол» (рис. 2). Эта зона

возвышения плавно переходит в периферийные зоны, отображенные зелеными и сине-зелеными переходами, где высотные показатели постепенно снижаются. Как видно, подобная морфология рельефа выражает наибольшую плотность насыпи именно в центральном сегменте кургана, что, вероятно, свидетельствует о поэтапной технологии возведения данного сооружения с целенаправленной укладкой основного массива камней в середине.

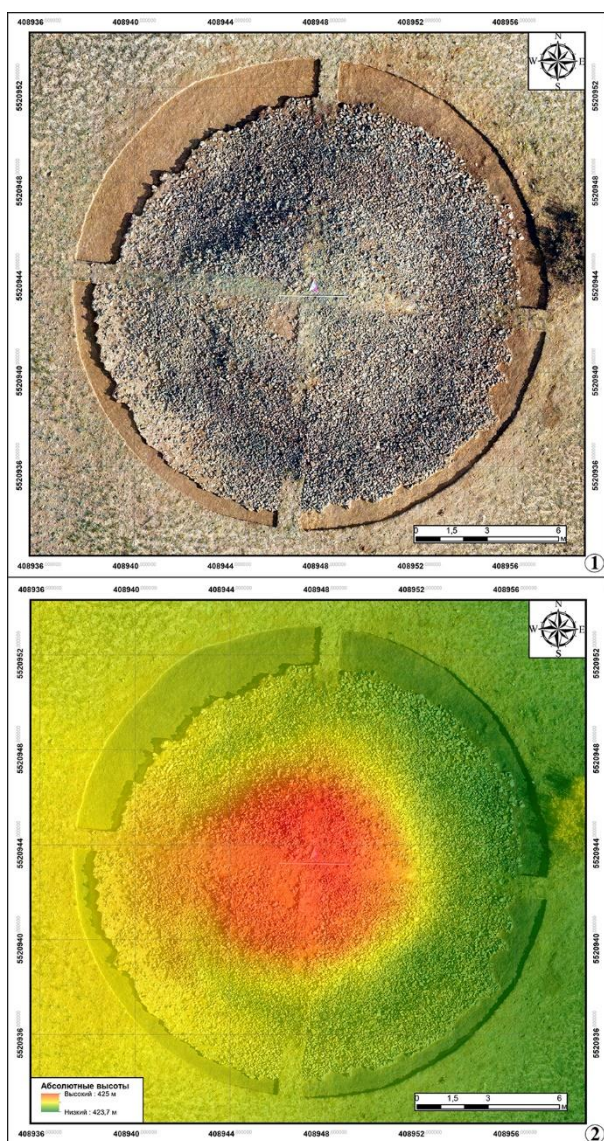

Рис. 2. Курган 8: 1 – ортофотоплан; 2 – карта высот

По завершении фиксации внешних рельефных особенностей кургана была начата последовательная разборка его стратиграфических слоев. В процессе исследования выявлена сложная многофазная структура, состоящая из нескольких четко дифференцированных слоев и конструктивных элементов. Такое наблюдение коррелирует со стратиграфией памятника, представленной верхним дерновым слоем, за которым следуют четыре основных слоя с различной текстурой и составом, образующих структурную основу насыпи.

В основании кургана выявлен надмогильный холм высотой 0,6–0,7 м, перекрытый сверху однорядной каменной выкладкой, которая четко фиксировалась во всех разрезах (рис. 3). После удаления этой насыпи в центре обнаружена могильная яма прямоугольной формы с закругленными краями, ориентированная длинной осью по линии З-В с небольшими отклонениями. Размеры могильной ямы: длина – 3,6 м, ширина – 2 м, глубина – 1,55 м. Стенки ямы имеют слегка пологий уклон, а дно выполнено ровным.

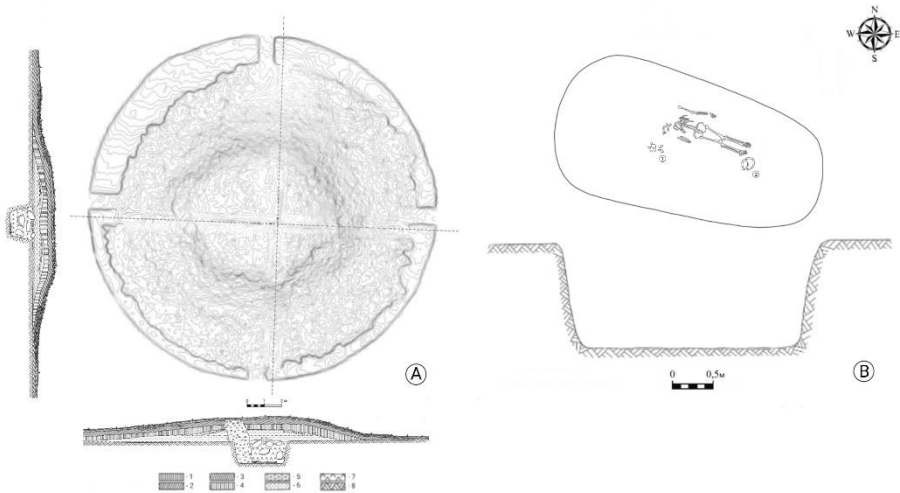

Рис. 3. Курган 8: *А* – план и разрезы: 1 – дерновый слой; 2 – буровато-серая гумусированная супесь; 3 – коричневый суглинок; 4 – светло-серый суглинок; 5 – темно-коричневый суглинок; 6 – перемешанный слой (грабительский лаз); 7 – серый суглинок; 8 – материк; *В* – план и разрез могильной ямы: 1 – фрагменты керамики; 2 – «алтарик»

Следует отметить, что могила подверглась тотальному грабежу. Об этом свидетельствует профиль по оси З-В, где видны следы (разноцветные смешанные слои), интерпретированные как грабительский лаз, пронизывающий все стратиграфические горизонты до дна могильной ямы. Заполнение грабительского лаза представлено сочетанием коричневого

и светлого суглинка с включением мелких камней, типичных для курганной насыпи.

Каменные плиты перекрытия погребальной камеры были в значительной степени повреждены и смещены относительно их первоначального местоположения. На дне могильной ямы обнаружен неполный скелет погребенного человека, в вытянутом положении на спине, с ориентацией головы в западный сектор. Рядом с погребенным, на уровне правого плеча, расчищены фрагменты разбитого керамического сосуда, а в области чуть ниже правой стопы найден каменный «жертвенник» или «алтарик», разломанный на две части.

Анализ предметного комплекса

В исследованном захоронении, как упоминалось ранее, были обнаружены фрагменты керамики, а также каменный «алтарик». Образцы керамики включают около 150 небольших фрагментов, относящихся к одному сосуду (рис. 4, 1). Толщина стенок довольно равномерная, в большинстве случаев колеблется в пределах 6–9 мм. Фрагменты венчика и основания среди образцов отсутствуют. Поэтому о первоначальной форме можно судить только по тулову и горловине. Стенки сосуда были прямыми, либо плавно изогнутыми, а горловина слегка сужалась. Среди образцов отсутствовали фрагменты основания, однако можно предположить, что оно было округлой формы.

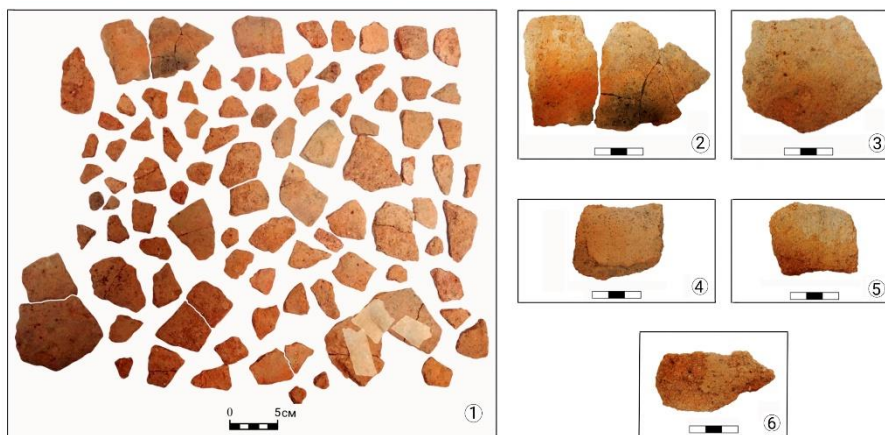

Рис. 4. Фрагменты керамики

Горшок был изготовлен вручную методом лоскутного налепа. О способе изготовления свидетельствуют несколько черепков с осколками плит (см. рис. 4, 2). На внешней поверхности также имеются отпечатки

от пальцев, оставленные механическими движениями гончара при придании формы горшка (см. рис. 4, 3). Не все черепки декорированы. Но внутренняя часть сосуда была тонко покрыта бледно-оранжевым слоем ангоба (см. рис. 4, 4). Ангоб также прослеживается на других нескольких черепках с внешней стороны сосуда. На них также сохранились следы обжига (см. рис. 4, 5). В целом сохранность фрагментов сосудов плохая, внешняя поверхность сильно подвержена эрозии. Плохая сохранность сосуда не дает возможности дать исчерпывающее описание первоначальной обработки поверхности.

Гончары использовали глину с умеренно высоким содержанием железа. В глину была добавлена дробленая порода и песок. В результате цвет и текстура получились средне-красными с большим количеством белых и черных минеральных включений (см. рис. 4, 6). Присутствуют незначительные участки темного цвета, но в остальном цвет однороден для всех черепков (см. рис. 4, 2). Сосуд был обожжен при очень низкой температуре (<800 °C) в простой яме костровым обжигом. Топливо, использованное в костре, создало окислительную среду с малым количеством сажи и дыма, что позволило создать равномерный оранжевый цвет по всем стенкам и внутренней текстуре сосуда.

Функциональная роль сосуда, по-видимому, была исключительно торжественно-ритуальной. Текстура очень непрочная, пористая и рыхлая. Жидкости вытекали через некоторое время. Вероятно, данный сосуд не использовался для хранения жидкостей. Кроме того, признаки нагревания или приготовления пищи также отсутствуют. Не наблюдается ни следов пищи, ни обугливания, ни повреждений от нагревания. Таким образом, сосуд мог быть изготовлен исключительно для использования во время погребальной церемонии – без какого-либо предварительного использования.

Сохранившиеся фрагменты сосуда демонстрируют сходство с керамическими изделиями из памятников сако-усуньского времени, обнаруженными в могильниках Катартобе и Каратума, расположенных на территории Жетысу (Семиречье) (Онгарулы и др. 2020: 431–448; Байпаков и др. 2016; Амиров 2016: 34–41). Сходство рассматриваемых керамических комплексов проявляется в технологических особенностях: в применении ожелезненной глины с добавлением значительного количества песка и измельченной породы (в соотношении 1:4); изготовлении сосудов методом лоскутного налепа; мягком заглаживании поверхности с нанесением ангоба и обжиге в костровых условиях при температуре, не превышающей 800 °C.

Каменный жертвенник или «алтарик» представляет собой изделие из гранита средней плотности. В плане предмет имеет овальную форму с асимметричными торцами, один из которых шире другого. Максимальный диаметр «алтарика» составляет 22 см, высота – 4,3 см, толщина боковой части – 4 см, а в центральной части – 2 см.

В продольном сечении изделие слегка выпуклое, с краями, сходящимися к центру под углом около 9° . Сечение предмета овальное. Максимальная глубина углубления в центре достигает 2,4 см, по краям – 1,9 см. Вес изделия составляет 0,93 кг (рис. 5). Основание «алтарика» имеет выпуклую форму, тогда как верхняя поверхность остается плоской с заметным скосом на узкой стороне. Внешняя поверхность изделия характеризуется низкой степенью шлифовки, вследствие чего на ней сохранились многочисленные каверны и неровности. При этом обработка наружной стороны абразивным инструментом была выполнена более равномерно.

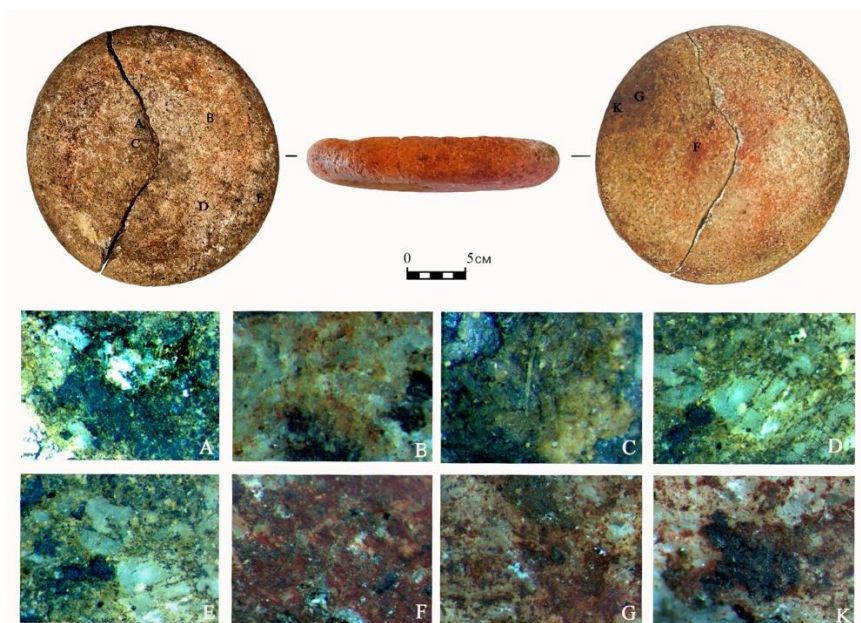

Рис. 5. Фотофиксация макро- и микроследов на «алтарике»: *A* – остаток жирной органики (макросъемка с увеличением 100×); *B* – сохранившиеся следы круговых линии от каменного орудия (макросъемка с увеличением 100×); *C* – остатки органики и от жирной пищи на внутренней части изделия (макросъемка с увеличением 250×); *D* – линейные следы износа на поверхности изделия (макросъемка с увеличением 250×); *E* – линейные следы износа на боковой части изделия (макросъемка с увеличением 200×); *F* – следы охры, впитавшиеся в нижнюю наружную выпуклую часть изделия (макросъемка с увеличением 100×); *G* – следы охры и жирной пищи на наружной нижней части изделия (макросъемка с увеличением 100×); *K* – следы жирной пищи ближе к боковой части наружной выпуклой поверхности изделия (макросъемка с увеличением 200×)

Как показывает изучение «алтарика», следы воздействия огня не всегда заметны визуально. В данном случае их удалось обнаружить исключительно с использованием микроскопического анализа. Анализ проводился с использованием стереоскопического микроскопа ZEISS steREO

Discovery. V8 с максимальным увеличением до 800 крат. Микрофотографии были выполнены при стандартном увеличении в 100 раз.

С высокой вероятностью заготовкой для каменного «алтарика» служила плита среднего размера. После отбора сырья и выполнения разметки долотом изготавливались заготовочные формы, при этом материал выдалбливался кусками, предположительно размером около 1,6 см, с использованием метода обивки, что придавало изделию цилиндрическое очертание. Следы этой операции были зафиксированы как на внешней, так и на внутренней поверхности предмета. На бортике удалось выявить концентрические параллельные риски, которые, по-видимому, относятся к этапу первичной разметки бортика.

На исходной плите контуры бортика намечались с использованием инструмента резцового типа. Внутренний массив камня затем удалялся с помощью долотообразного инструмента, что оставило характерные следы, отчетливо видимые на внутренней стороне борта «алтарика». В центральной части стенки и на дне изделия следы выдалбливания были впоследствии сглажены методом шлифовки. Процесс шлифовки был направлен на устранение неровностей и дефектов. Следы этой операции зафиксированы как в центре углубления, так и на внешних сторонах бортов. Внутренняя часть каменного «алтарика» шлифовалась круговыми движениями, о чем свидетельствуют характерные следы обработки.

На самом дне «алтарика» зафиксированы макро- и микротрещины, которые, вероятно, возникли под воздействием огня. Внутри углубления обнаружены остатки растительных стеблей, а также следы красной краски (охры). На внешней стороне дна видны следы нагара и характерного жирного блеска, что может свидетельствовать о пролипании жидкостей. Краска проникла в поры материала, что подтверждает ритуальное назначение предмета.

На втором этапе обработки изделие приобрело индивидуальные черты, выполнялась разметка контуров тела и дна «алтарика», которые затем подвергались тщательной доработке. Следы данной операции фиксируются визуально, включая наблюдение без использования увеличительных приборов. На боковой части жертвенника зафиксированы следы воздействия металлического инструмента, предположительно долота, в виде неглубоких желобков. Ширина рабочей части инструмента варьировалась в пределах 1,4–1,8 см. Эти следы частично сохранились, несмотря на последующую шлифовку. Финальным этапом обработки поверхности являлось шлифование, направленное на устранение неровностей и дефектов. Следы данной операции, зафиксированные на микрофотографиях, свидетельствуют о тщательном сглаживании поверхности и завершении обработки изделия.

Исследуемый предмет относится к артефактам, именуемым в научной литературе «переносными жертвенниками» или «алтариками» (Васильев 1998: 25). Круглые конструкции без опор данного типа широко распространены на территории Евразийских степей в период с VII по III в. до н. э. Историографию изучения подобных предметов можно проследить в работах таких исследователей, как К.Ф. Смирнов, М.К. Кадырбаев, В.Н. Васильев и др. (Смирнов 1964: 162–170; Кадырбаев 1977: 204–212; Зуев 1996: 54–66; Васильев 1998: 25–43; Маргарян 2017: 104; Сеитов 2017: 182–206). М. К. Кадырбаев, изучая жертвенники без опоры из могильников Тасмола I, V, VI, Карамурын I, II, IV, выделил два этапа их бытования: первый – VII–V вв. до н.э., и второй – V–III вв. до н.э. (Кадырбаев 1966: 311). Округлой формы жертвенники без опоры были выявлены в погребении кургана 2 могильника Тасмола V, а также в погребении кургана 10 могильника Карамурын I. Основным отличием жертвенника из Тасмолы V является наличие четырех выступов на коротких и длинных боковых сторонах изделия (Бейсенов 2015: 28). Плоский каменный жертвенник также был найден в могильнике позднесакского времени Тасарал 3 в Прибалхашье, однако в опубликованных материалах отсутствуют его детальное описание и фотодокументация, что затрудняет осуществление сравнительного анализа (Бейсенов и др. 2016: 258). В целом на территории Сарыарки изготовление каменных «алтариков» без ножек преимущественно было свойственно тасмолинской историко-культурной общности. Однако отсутствие очевидных аналогов данного каменного изделия в более позднее время свидетельствует о его вероятном своеобразии среди известных артефактов соответствующего типа и одновременно подчеркивает необходимость проведения дальнейших комплексных исследований подобных находок, позволяющих более глубоко осмыслить их роль в контексте культово-ритуальной практики.

Хронологическая атрибуция памятника

Для уточнения хронологии кургана № 8 могильника Хандар сайы 1 было выполнено радиоуглеродное датирование костных останков погребенного человека. Полученные результаты после калибровки (рис. 6) позволяют уверенно датировать исследуемый памятник позднесакским временем, а именно IV–III вв. до н. э. Эти данные подтверждают выводы, ранее сделанные на основе анализа погребального обряда и найденных артефактов. Вместе с тем анализ радиоуглеродных дат для курганов № 1 и № 8 свидетельствует о возможной закономерности в последовательности возведения погребальных сооружений на могильном поле Хандар сайы 1. Сооружение курганов, по-видимому, начиналось с северной части и постепенно смещалось к югу, отражая определенную упорядоченность данного процесса. К сожалению, сильное разграбление кургана

№ 8 не позволяет провести более точный сравнительный анализ погребального обряда и инвентаря между этими двумя курганами.

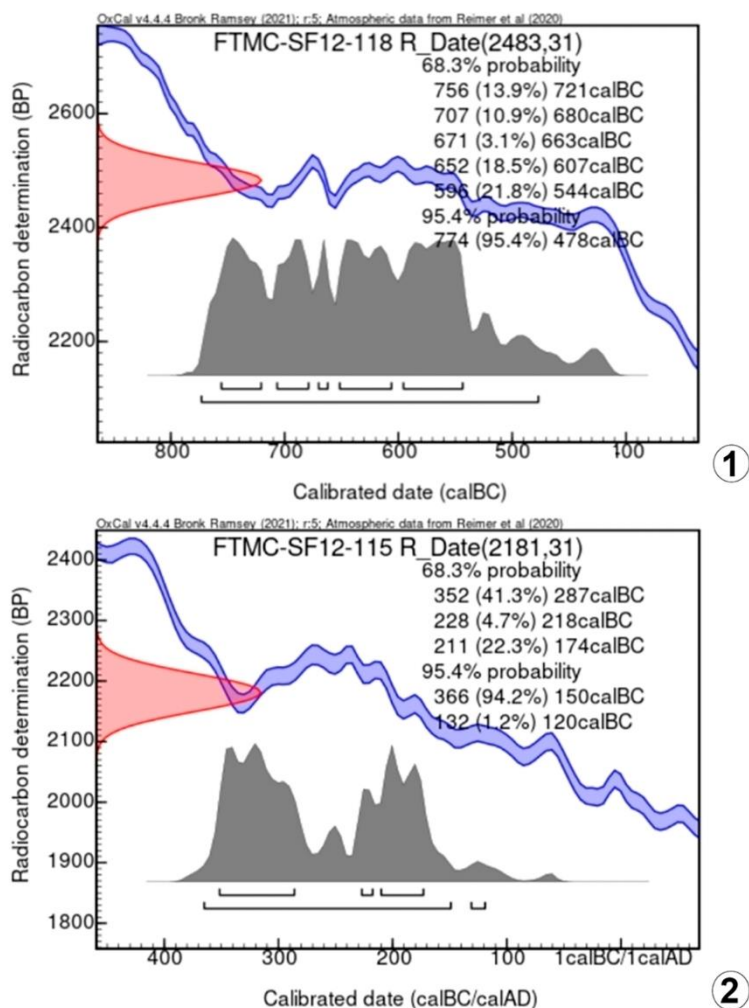

Рис. 6. Могильник Хандар сайы 1. Калиброванные значения дат по костям погребенных людей: 1 – курган 1; 2 – курган 8

Тем не менее полученные абсолютные даты подчеркивают хронологическую близость кургана № 8 к памятникам карамолинского типа, свидетельствуя об общих культурно-хронологических тенденциях позднесакской эпохи на территории Восточной Сарыарки. Эти результаты формируют надежную основу для последующих исследований погребальных традиций и культурных процессов позднесакского населения рассматриваемого региона.

Обсуждение

Локализация исследованного памятника в пределах историко-географического региона Сарыарки обеспечивает веское основание для проведения сравнительного анализа, прежде всего, с аналогичными объектами, обнаруженными именно в этом ареале. В раннесакский период на данной территории существовала занимающая огромное пространство тасмолинская культура, хронологические рамки которой, согласно последним данным, охватывают VIII–V вв. до н.э. В результате современных археологических исследований, проводимых в Центральном Казахстане под руководством А.З. Бейсенова, были выявлены материалы, указывающие на существование погребальных памятников второй половины I тыс. до н.э., которые не соответствуют традициям тасмолинской культуры (Бейсенов 2014).

Особый интерес представляют малоизученные археологические объекты коргантасского и карамолинского типа (Бейсенов 2024). Анализ археологических находок из этих комплексов позволил отнести их к позднесакскому периоду. Как установлено, памятники коргантасского типа отражают взаимодействие с восточными районами Центральной Азии, в частности с регионом Ордос, и датируются IV–II вв. до н.э. Однако в контексте данного исследования памятники второго типа вызывают наибольший интерес, поскольку их особенности во многом соответствуют характеристикам памятников, исследованных нами. Памятники карамолинского типа, представленные на данный момент лишь немногими объектами, обладают своеобразием и значительно различаются как от Тасмолы, так и от Коргантаса. По имеющимся данным, они распространены в юго-восточной и восточной частях Центрального Казахстана и предварительно датируются IV–III вв. до н.э.

В соответствии с принятыми погребальными традициями, население Карамолы обычно размещало усопших на спине на дне больших могильных ям, вырытых в широтном направлении. При этом головы, как правило, были ориентированы в западный сектор. Критерием объединения данных захоронений в единый тип послужили специфические находки, такие как восьмерковидные провололочные серьги, косметические «булавки» с округлым навершием, а также ряд других предметов, выходящих за рамки раннесакского времени. Следует особо подчеркнуть, что аналогии шпилькам из Карамолы были зафиксированы в материалах могильника Кызылауыз-1 в Жетысу (Акишев, Кушаев 1963: 99). Более того, плоскодонный сосуд из того же могильника по своим морфологическим характеристикам демонстрирует значительное сходство с кувшином, обнаруженным в могильнике Иссык (Бейсенов 2014: 76).

Среди памятников карамолинского типа особо выделяется вышеназванный могильник Тасарал 3, расположенный на стыке Центрального

Казахстана и Жетысу, что подчеркивает его значимое положение в пограничной зоне, служившей пространством активных контактов между населением этих регионов (Бейсенов и др. 2016). Данный памятник интерпретируется его исследователем как представляющий ранний этап карамолинского круга древностей и датирован V–IV вв. до н.э. Вещевой комплекс могильника Тасарал 3 (курганы 3, 6, 12) демонстрирует значительное сходство с материалами могильника Каратобе (курганы 2, 3), исследованного нами в ходе раскопок 2014 г. в северо-западной части горного массива Кокентау (Айткали и др. 2014). Кроме всего прочего, оба памятника объединяет наличие восьмерковидных серег с нижним малым кольцом, ориентированным перпендикулярно верхнему, а также набор бус из полудрагоценных камней в составе инвентаря.

В целом сравнительный анализ погребального обряда кургана 8 могильника Хандар сайы 1 и памятников, исследованных ранее у подножья горного массива Кокентау, с памятниками карамолинского типа выявляет ряд ключевых общих черт. Сходства проявляются в архитектурных особенностях курганов, ориентации погребенных, характерных деталях инвентаря и конфигурации могильных ям, что, вероятно, отражает общие мировоззренческие установки.

Вместе с тем заслуживает внимания и ситуация в более восточных районах Казахстана. В рассматриваемую эпоху на территории Восточного Казахстана фиксируется так называемая кулажургинская культура, которую, по мнению З. Самашева, едва ли можно считать самостоятельным культурным образованием (Самашев 2011: 200–201). Предполагается, что ранние памятники, отличающиеся восточной ориентацией погребений и использованием каменных ящиков, могли принадлежать рядовым представителям пазырыкцев. Одновременно выделяют и другую группу объектов, также относимых к кулажургинскому кругу, где отсутствуют каменные ящики, а погребенные ориентированы головой на запад и снабжены весьма скромным инвентарем. Согласно ранее проведенным наблюдениям, данная вторая группа демонстрирует определенное сходство с усуньскими древностями Жетысу и, вероятно, не имеет прямой связи с «классическими» кулажургинцами Казахского Алтая. Более того, она может представлять собой потомков населения, вытесненного из балхашийского региона под влиянием волны хуннской экспансии.

Таким образом, сопоставление всех вышеизложенных материалов показывает, что процессы межрегиональных контактов в рассматриваемый период были весьма интенсивными, а локальные культуры проявляли сложное переплетение традиций и инноваций.

Заключение

Проведенное исследование кургана 8 могильника Хандар сайы 1 представляет собой важный шаг в изучении погребальных традиций и

культурных процессов позднесакского периода Восточной Сарыарки. Материалы раскопок, в том числе обнаруженные керамические фрагменты и каменный «алтарик», указывают на сочетание локальных ремесленных традиций и заимствованных элементов, отражающих развитые межрегиональные связи. Сопоставление полученных данных с близлежащими памятниками дает возможность глубже понять закономерности культурной динамики в позднесакское время и выявить особенности культурно-хронологических процессов, происходивших на этой территории.

В целом результаты раскопок кургана 8 формируют основу для дальнейших сравнительных исследований, ориентированных на реконструкцию исторических процессов в широком пространстве Центрального Казахстана и сопредельных регионов. Детальная интерпретация выявленных материалов и их включение в общую источниковую базу позволяют усматривать в данном комплексе не только свидетельство локальных традиций, но и показатель постоянных культурных контактов между отдельными группами. Дальнейшие исследования в этой области откроют новые горизонты для понимания социальной организации, ритуальных практик и ремесленных навыков позднесакских общностей, а также их места в системе контактов Евразийских степей.

Примечания

¹ Технологический анализ керамического сосуда выполнен PhD, научным сотрудником «Назарбаев Университет» Р. Doumani Duriu.

Список источников

- Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж.* Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 г. // Кадырбаевские чтения–2014 / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мега принт, 2014. С. 151–160.
- Айткали А., Жунисханов А., Рахманкулов Е.* Исследование курганов ранних кочевников Семейского Прииртышья // Археология Казахстана. 2023. № 3 (21). С. 82–94.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 298 с.
- Амиров Е.* Керамика могильника Каратума // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / отв. ред. А. Онгар. Алматы: Ин-т археологии, 2016. С. 34–41.
- Археологическая карта Казахстана* / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 450 с.
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В.* Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: Археологическая экспертиза, 2016. 672 с.
- Бейсенов А.З.* О значении термина «Арка» в ареалах расселения тюркоязычных народов среднеазиатско-казахстанского ареала // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. Вып. 4 / отв. ред. В.М. Массон. Бишкек: Мурас, 2000. С. 113–116.

- Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н. э.) // Вестник Новосибирского университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7. С. 68–79.
- Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6. С. 22–31.
- Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дүйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Кулькова М.А. Радиоуглеродные даты из могильника сакского времени Тасарал 3 (Центральный Казахстан) // Евразия в кайназое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5 / отв. ред. И.М. Бердников. Иркутск: ИГУ, 2016. С. 256–264.
- Бейсенов А.З. Коргантас, Карамола, Тасмола. К вопросу о культурной ситуации в Центральном Казахстане в позднесакское время // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 3. С. 122–142.
- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1 / отв. ред. И.М. Акбулатова. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 25–43.
- Зайцева О.В., Вавулин М.В., Водясов Е.В. Увидеть невидимое: цифровая реконструкция и выявление новых рисунков грота Акбауыр // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 100–112.
- Зуев В.Ю. Научный миф о савроматских жрицах // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Скифо-сибирика, 1996. С. 54–68.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана / отв. ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–428.
- Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // Советская археология. 1977. № 3. С. 204–212.
- Касенова А. Изучение тюркских изваяний Сарыарки на современном этапе // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 47–60.
- Коншин Н.Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 1. Семипалатинск: Областное правление, 1903. С. 1–32.
- Маргарян К.Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 104–106.
- Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М. Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан-Тэджон. 2020. 464 с.
- Самашев З. Берел. Berel. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев З.С. Писаницы горы Кокентау в Восточном Казахстане // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. № 17. С. 140–158.
- Сеитов А.М. Древние кочевники Тургая середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха / отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 182–206.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

References

- Aitkali A., Zhuniskhanov A., Kairmagambetov A., Akhmetov M., Rakhmankulov E. (2014) Predvaritel'nyye rezul'taty issledovaniya mogil'nika Karatobe v mikroarkheologicheskom rayone Kokentau v 2014 g [Preliminary results of the study of the Karatobe burial ground in the Kokentau microarchaeological region in 2014]. In: *Kadyrbaevskie chteniya–2014* [Kadyrbaev readings–2014]. Astana: Aktobe regional museum of local history, pp. 151–160.

- Aitkali A., Zhuniskhanov A., Rahmankulov E. (2023) Issledovaniye kurganov rannikh kochevnikov Semeyskogo Priirtysh'ya (Study of burial mounds of early nomads of the Semey Irtysh region), *Arheologiya Kazakhstana*, no. 3 (21), pp. 82–94.
- Akishev K.A., Kushaev G.A. (1963) *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny r. Ili* [Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River valley]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR.
- Amirov E.A. (2016) Keramika mogil'nika Karatuma [Ceramics of the Karatuma burial ground]. In: *Saki i savromaty Kazakhskikh stepey: kontakt kul'tur* [Sakas and Sauromatians of the Kazakh Steppes: Contact of Cultures]. Almaty: Institut arheologii, pp. 34–41.
- Ageeva E.I., Akishev K.A., Kushaev G.A. et al. (compl.) (1960) *Arheologicheskaya karta Kazakhstana* [Archaeological map of Kazakhstan]. Alma-Ata: AN Kaz SSR.
- Baypakov K.M., Voyakin D.A., Zakharov S.V. (2016) *Mogil'nik Karatuma* [Karatuma burial ground]. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza.
- Beisenov A.Z. (2000) O znachenii termina «Arka» v arealakh rasseleniya tyurkoyazychnykh narodov sredneaziatsko-kazakhstanskogo areala [On the meaning of the term «Archa» in the areas of settlement of the Turkic-speaking peoples of the Central Asian-Kazakhstan area]. *Osh i Fergana: arkheologiya, novoye vremya, kul'turogenез, etnogenез*, Vol. 4, pp. 113–116.
- Beisenov A.Z. (2014) O pamyatnikakh karamolinskogo tipa v Vostochnoy Saryarke vtoraya polovina I tys. do n. e. [On the Karamolinsky-type monuments in Eastern Saryarka (second half of the 1st millennium BC)], *Vestnik Novosibirskogo universiteta*, Vol. 13 (7), pp. 68–79.
- Beisenov A.Z. (2015) Tsentral'nyy Kazakhstan v rannem zheleznom veke [Central Kazakhstan in the Early Iron Age]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, Vol. 7 (6), pp. 22–31.
- Beisenov A.Z., Shashenov D.T., Duisenbay D.B., Akhiyarov I.K., Kulkova M.A. (2016) Radiouglerodnyye daty iz mogil'nika saksского времени Tasaral 3 (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Radiocarbon dates from the Saka burial ground Tasaral 3 (Central Kazakhstan)]. *Yevraziya v kaynazoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*, Vol. 5, Irkutsk: IGU, pp. 256–264.
- Beisenov A.Z. (2024) Korgantas, Karamola, Tasmola. K voprosu o kul'turnoy situatsii v Tsentral'nom Kazakhstane v pozdnesakskoye vremya [Korgantas, Karamola, Tasmola. On the issue of the cultural situation in Central Kazakhstan in the late Saka period]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, Vol. 36 (3), pp. 122–142.
- Vasiliev V.N. (1998) K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikakh kochevnikov Yuzhnogo Urala [On the issue of Sarmatian stone altars of the nomads of the Southern Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*, no. 1. Ufa: NM RB, pp. 25–43.
- Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Vodyasov, E.V. (2024) Uvidet' nevidimoye: tsifrovaya rekonstruktsiya i vyyavleniye novykh risunkov grota Akbaury [Seeing the Invisible: Digital Reconstruction and Identification of New Drawings of the Akbaury Grotto]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, Vol. 4, pp. 100–112.
- Zuev V.Yu. (1996) Nauchnyy mif o savromatskikh zhritsakh [The Scientific Myth of the Sauromatian Priestesses]. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu* [Priesthood and shamanism in the Scythian era]. St. Petersburg: Skifo-Siberica, pp. 54–68.
- Kadyrbaev M.K. (1966) Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of the Tasmola culture]. In: *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka., pp. 303–428.
- Kadyrbaev M.K. (1977) Kamennyye altari-zhertvenniki iz Severo-Zapadnogo [Stone altars-sacrificial offerings from North-West Kazakhstan], *Sovetskaya Arkheologiya*, no. 3, pp. 204–212.
- Kasanova A. (2019) Izucheniye tyurkskikh izvayaniy Saryarki na sovremennom etape [Study of Turkic sculptures of Saryarka at the present stage], *Povolzhskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 47–60.

- Konshin N. (1903) O pamyatnikakh stariny v Semipalatinskoy oblasti [About ancient monuments in the Semipalatinsk region]. In: *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Semipalatinsk Sub-department of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], Vol. 1, pp. 1–32.
- Margaryan K.G. (2017) Osnovnyye printsipy klassifikatsii i tipologii kamennykh zhertvennikov rannego zheleznogo veka [Basic principles of classification and typology of stone altars of the early Iron Age]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 17(2), pp. 104–106.
- Ongaruly A., Pyon Yonghwan, Nam Sangwon, Kairmagambetov A., Kim Yonghyun, Nuskabay A., Kyzyrkhanov M. (2020) *Katartobe. Necropolis of the Saka elite Zhetysu* [Katartobe. Necropolis of the Saka elite Zhetysu]. Nur-Sultan-Tejon.
- Samashev Z. (2011) *Berel*. Almaty: Taimas.
- Samashev Z.S. (2023) Pisanitsy gory Kokentau v Vostochnom Kazakhstane [The Rock Art of Mount Kokentau in East Kazakhstan], *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»*, Vol. 17, pp. 140–158.
- Seitov A.M. (2017) Drevniye kochevniki Turgaya serediny I tys. do n.e. – serediny I tys. n.e. [Ancient nomads of Turgay from the middle of the 1st millennium BC to the middle of the 1st millennium AD]. In: *Kultura naseleniya Turgaya i sopredelnykh regionov: chelovek i epokha* [Culture of the population of Turgay and adjacent regions: man and era]. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, pp. 182–206.
- Smirnov K.F. (1964) *Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Early history and culture of the Sarmatians]. Moskva.

Информация об авторах:

АЙТКАЛИ Азат Калыулы – PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). E-mail: azza_semsk@mail.ru

КУРМАНГАЛИЕВ Арман Қайратұлы – докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан). E-mail: armanqayrat2017@gmail.com

ЕРЖАНОВА Альбина Ерғешбаевна – PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). E-mail: erjanova_a@mail.ru

КАРИМБАЕВА Зулхумар Расулжанқызы – магистр, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). E-mail: z_karimbayeva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Azat K. Aitkali, A.K. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). E-mail: azza_semsk@mail.ru

Arman K. Kurmangaliyev, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan). E-mail: armanqayrat2017@gmail.com

Albina E. Erzhanova, A.K. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). E-mail: erjanova_a@mail.ru

Zulhumar R. Karimbaeva, A.K. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan). E-mail: z_karimbayeva@mail.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31 января 2025;
принята к публикации 4 апреля 2025.*

*The article was submitted 31.01.2025;
accepted for publication 04.04.2025.*